

Как это странно, слуга задаёт вопросы своему господину. Хо Линьфэн решил подразнить его:

— Да, я разведал Дворец Буфань, получил серебро, а потом пошёл в Башню Чжаому повеселиться. Всё успел.

Ду Чжэн, услышав это, сразу же начал обыскивать ночную одежду. Она была мокрой, но никакого мешка с серебром там не было, только сильный аромат, растворившийся в воде. Хо Линьфэн, увидев это, чуть не умер от смеха:

— Четыре тысячи лянов, потратил всё.

С грохотом Ду Чжэн опрокинул таз, и вода разлилась по полу. Он стоял, ошеломлённый, грубыми руками тёр уши, боясь, что ослышался. Четыре тысячи лянов... Сколько людей можно было бы накормить! А этот расточительный молодой господин променял их на платок!

Хо Линьфэн, лёжа на кровати, смотрел на него с беспокойством, боясь, что слуга сойдёт с ума от гнева. Он объяснил:

— Я действительно только послушал песню, а этот платок нашёл на улице.

Дело было сделано, деньги потрачены, и вернуть их было невозможно. Ду Чжэн перевернул таз, налил несколько ковшей воды и продолжил стирать. Только начав, он вдруг бросился к кровати, пристально глядя на платок.

Предмет из борделя, грязный, кто знает, где им вытирались... А этот баловень ещё держит его в руках!

Хо Линьфэн, однако, был очарован ароматом трав и сладостью молока, и не хотел выбрасывать платок. Ду Чжэн, забыв о безопасности, вырвал его:

— Если не выбрасывать, то я буду стирать его час, потом прожгу листьями помело, и только тогда можно будет использовать!

Ладно, всё равно нужно было стирать. Хо Линьфэн не стал спорить, накрылся одеялом и крепко уснул.

Башня Чжаому гудела всю ночь, но с рассветом богатые пошли в свои комнаты спать, а бедные с сожалением ушли. В это время залы опустели, галереи опустели, и днём бордель казался пустым.

На четвёртом этаже, в укромной комнате, Жун Лоюнь лежал на кушетке, наслаждаясь холодным ветром. Утренний холод разбудил его. Он открыл глаза, сонный и ленивый, его рука, лежащая на подоконнике, онемела, и он не мог её сразу убрать.

Он просто лежал, пока не почувствовал себя лучше, затем встал и подошёл к стойке из грушевого дерева, чтобы умыться. Набрал воды, он полез в рукав за платком, но не нашёл его. Осмотрев кровать и кушетку, он снова не нашёл его.

Жун Лоюнь, с каплями воды на лице, растерянно осмотрел комнату, и, случайно взглянув на окно, понял, что, вероятно, платок выпал, когда он вытянул руку. Он подбежал к окну, огляделся вокруг, но, кроме прохожих, ничего не увидел.

В этот момент кто-то постучал в дверь. Это была старая смотрительница. Вчера она была одета

в золотое платье, украшенное драгоценностями, а теперь была в простой синей одежде, с единственной серебряной заколкой в волосах.

Жун Лоюнь спросил:

— Весь вечер была суета, вы не отдыхали?

Смотрительница ответила:

— Сейчас пойду спать.

Она принесла суп, поставила его и взяла три гребня из шкатулки.

— Господин, выпейте суп, а я причешу вас.

Жун Лоюнь сел, выпил суп, который варился всю ночь, а смотрительница, стоя за ним, осторожно расчёсывала его волосы. Ему было так приятно, что он не знал, как её похвалить, и просто сказал:

— Когда я сам причёсываюсь, волосы не слушаются, я просто собираю их и теряю терпение.

Смотрительница улыбнулась с любовью:

— У вас прекрасные волосы, такие гладкие.

Она аккуратно собрала их и надела серебряную корону.

— В молодости у меня были умелые руки, я часто делала причёски, и в дворце...

Жун Лоюнь тихо сказал:

— Смотрительница, о каком дворце вы говорите?

Смотрительница смутилась, отступила на шаг и хлопнула себя по губам:

— Смотрите, я говорю о снах.

Она поспешила сменить тему и начала рассказывать о вчерашних событиях, с радостью упомянув, как Жун Дуаньюй пела, и как пришедший гость был необычайно красив.

Жун Лоюнь подумал, что, должно быть, это был важный человек, раз он потребовал, чтобы его сестра вышла на сцену.

Смотрительница сказала:

— Он провоцировал, вероятно, чтобы увидеть красоту девушки, а потом провёл ночь на лодке с проституткой. Я видела, когда он сходил с лодки, одежда не была сменена, и от проститутки узнала, что он был чиновником из соседней провинции.

Жун Лоюнь воспринял это как шутку, выпил суп и, пока в борделе было тихо, пошёл проведать Жун Дуаньюй. Она спала, и он не стал её будить, а также не решился сказать, что потерял платок.

Этот платок был подарком на день рождения от Жун Дуаньюй. Когда-то в их доме росло дерево

гинкго, поэтому она вышила на нём лист гинкго. Он с грустью подумал, чувствуя себя как ребёнок, который сделал что-то не так, и, немного поразмыслив, тихо ушёл.

Возвращение в Дворец Буфань.

Было ещё рано, и ученики Дворца Буфань завтракали, после чего отправились на Платформу Мяоцан для тренировок. Внезапно один из учеников закричал от боли, высунув язык, на котором торчала маленькая игла.

Сверху раздался смех, все подняли головы и увидели четырнадцатилетнего Дяо Юйляна, сидящего на балке.

— Сам виноват! — плюнул Дяо Юйлян. — Смел за моей спиной называть меня коротышкой, я милосерден, не положил иглу на стул, иначе бы проткнул твои яйца!

С этими словами он спрыгнул вниз, взял два пирожка и побежал в Павильон Цанцзинь. Солнце уже взошло, он вошёл внутрь и увидел Лу Чжуня, который лежал на кровати, с поднятой рубашкой и обнажённым животом, храпя то громче, то тише.

Дяо Юйлян подошёл к кровати, начал есть пирожок, чавкая, и вскоре разбудил спящего.

— Кто это?.. — пробормотал Лу Чжунь, открыв глаза. — Так рано разрушать мой богатый сон, негодяй.

Он встал, оделся, умылся, сел перед зеркалом, выщипал брови, взял тонкую кисть, обмакнул её в тушь и поставил маленькую точку на глазу, чтобы привлечь богатство.

Дяо Юйлян подошёл:

— Третий брат, такая прекрасная погода, пойдём ловить рыбу?

Обычно он называл его просто «третий», но сейчас решил польстить, и Лу Чжунь согласился. Он взял кошелек:

— Дай я возьму немного серебра.

Открыв шкаф, он остолбенел: аккуратно сложенные слитки исчезли!

Дяо Юйлян тоже удивился. Ученики могли сплетничать за спиной, но воровать они не осмеливались. Он посмотрел на Лу Чжуня, подумав, что, если даже он, забравшись в окно, не разбудил его, то, возможно, это был не человек, а свинья-оборотень.

Рыбалка была отменена, и они быстро направились в главный зал, где столкнулись с вернувшимся Жун Лююнем. Лу Чжунь и Дяо Юйлян хором поздоровались:

— Второй брат!

И, как телохранители, встали по обе стороны от него.

Жун Лююнь спросил:

— Что случилось, почему вы так ласковы?

Дяо Юйлян начал жаловаться:

— Второй брат, в Павильоне Цанцзинь произошла кража.

Кража в Дворце Буфань была впервые, и Жун Лоюнь несколько раз переспросил, чтобы убедиться. Ещё не переварив эту информацию, Лу Чжунь начал плакать:

— Украл много серебра... целых четыре...

Жун Лоюнь раздражённо сказал:

— Хватит ныть, жадина.

Позже пришёл Дуань Хуайкэ, и они вчетвером собрались в зале для обсуждения. Они пришли к выводу, что, поскольку украли только из Павильона Цанцзинь, это значит, что цель была именно Лу Чжунь, а раз это было ради денег, вероятно, он кого-то ограбил.

Дуань Хуайкэ спросил:

— Третий, кого ты недавно грабил?

Лу Чжунь ответил:

— За городом я ограбил отряд телохранителей из Чанъаня.

Жун Лоюнь, услышав это, подумал, что это мог быть Хо Линьфэн? Значит, Хо Линьфэн уже в Сицянлине? Но, подумав, он решил, что это маловероятно. Сын маркиза Динбэй, скорее всего, предпочёл бы сражаться лицом к лицу, а не устраивать подлые места.

Когда он закончил анализировать, Лу Чжунь тихо сказал:

— Это действительно Хо Линьфэн? Но он дрожал в кустах, такой трусливый...

Сомнений было много, и виной всему было то, что у Лу Чжуна было слишком много врагов. Жун Лоюнь решил не думать об этом. Кто бы это ни был, раз он смог проникнуть ночью, нужно быть начеку. Что касается Хо Линьфэна, пришёл он или нет, это не важно, ведь рано или поздно это произойдёт.

Лу Чжунь спросил:

— Второй брат, что будем делать дальше?

Жун Лоюнь ущипнул его за щёку:

— Будешь вести себя прилично.

Отпустив его, он вышел из зала и, обращаясь к ученикам на Платформе Мяоцан, приказал:

— Пятнадцать человек в команде, сформируйте три команды, по моему приказу составьте Массив Пленения Дракона, сегодня вечером организуйте оборону.

Если придёт Будда — поймем Будду, если придёт демон — поймем демона.

Массив Пленения Дракона может поймать даже божественного дракона. Посмотрим, чьи навыки лёгкости тела сильнее — его или его таинственных искусств.

В гостинице тот, кого называли «Невидимым Божественным Драконом», перевернулся и проспал до полудня. Стук и звон разбудили Хо Линьфэна, он открыл глаза и увидел, что Ду Чжэн расставляет на столе миски и палочки.

Он приподнялся и увидел овощи и тофу, от которых он стал слабее, чем девушка из Цзяннаня. Ду Чжэн сказал:

— Господин, будьте довольны, я измучился, уговаривая хозяина гостиницы отсрочить оплату, но хоть что-то есть — уже хорошо.

Хо Линьфэн, чувствуя себя виноватым:

— Я ничего не сказал.

Ду Чжэн фыркнул:

— Мы уже на грани, а вы смогли потратить четыре тысячи лянов на песню, какая же у вас широкая душа! Не зря вы господин, а я слуга.

Хо Линьфэн перевернулся на другой бок:

— Это ты сам решил стать моим слугой.

Ду Чжэн был ошеломлён, не сказал ни слова и сидел за столом с мрачным лицом. Хо Линьфэн медленно встал, съел немного, не поднимая головы, и бросил кусок тофу в миску Ду Чжэна. Тот удивился, его мрачное лицо постепенно посветлело, и он, как сокровище, понюхал миску.

После еды слуга вышел, решив, что, даже если придётся просить милостыню, он достанет мяса для господина.

В комнате остался только Хо Линьфэн. Он взял книгу, прислонился к окну и начал читать «Зеркало грехов». Зеркало грехов — это четвёртый уровень восемнадцати адов, и Тан Чжэнь дал такое название, чтобы подчеркнуть силу этого массива.

Он открыл страницу, и первое, что увидел, было — Массив Пленения Дракона.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16167/1449093>